

Оглавление

Часть 1	5
Глава 1. Ход конем	5
Глава 2. Безобразная Эльза	58
Глава 3. Близкие контакты третьей степени.....	75
Глава 4. Без обид.....	104
Часть 2	138
Глава 5. Настоящих буйных мало	138
Глава 6. Проверка на pull.....	163
Глава 7. Дурак и молния	216
Часть 3	263
Глава 8. Везде друг и нигде хозяин	263
Глава 9. Подземелья и драконы.....	291

Глава 10.	
Эффект зловещей долины.....	326
Глава 11.	
Приключение на двадцать минут.....	352
Глава 12.	
Который час?	376
Часть 4	419
Глава 13.	
I wanna be your dog.....	419
Глава 14.	
Убранные в доску короли	435
Глава 15.	
Театр кукол.....	444
Глава 16.	
Кто-то из грота	505
Глава 17.	
Это на Новый год.....	545
Глава 18.	
Бог из машины	578
Эпилог	
Копии копий	594
От автора	602
Благодарности.....	604

Часть I

Глава 1. Ход конем

16 ноября, 12:00

Демид Галкин изо всех сил кутался в длинный черный балахон. Качались белые короткие дреды, дрожал безвольный подбородок, покрытый редкой щетиной пшеничного цвета. Тощая долговязая фигура подергивалась, как кукла в руках эпилептика, а уши формой и цветом напоминали сморчки. Навинченные на пальцы серебряные перстни отплясывали чечетку по поверхности дубового стола, за которым мы сидели и разглядывали в окно здание института на другой стороне проспекта. Огромный острый шнобель Галкина то и дело громко всасывал вкусный воздух кофейни «Ультима Туле».

Сегодня нас эвакуировали так стремительно, что паренек не успел нацепить что-то из верхней одежды. Хоть на улице и было всего минус два, стывший ветер и мокрый снег делали свое дело — я мгновенно продрог до костей даже в парке и ушанке.

— Держи, братишка, тебе принес. — Я сгрузил с подноса огромную чашку кофе, а перед собой поставил вторую, а еще — разогретый в местной микроволновке судок с цыпленком табака и бататовым пюре.

Демид жадно схватил трясущимися руками чашку и залпом опрокинул ее в себя, хотя напиток был кипяток.

— Саныч, го в шахматы? — спросил паренек, едва его зубы перестали стучать. Он достал из-за спины нашу затертую доску и открыл. Фигуры тут же весело разбежались по столу, расталкивая друг друга, ударяясь о посуду и подставку с солонкой и перечницей.

— Тут так-то есть шахматы. — Поглаживая усы, я кивнул на висящую над нами полку с настольными играми и книгами.

— Машинально захватил при эвакуации, — смущенно улыбнулся Демид.

Ага, а одежду не захватил. Что у молодежи в голове...

Я улыбнулся и подобрал несколько белых фигур. Когда я отказывался от партии?

Шахматы и познакомили меня с Демидом — не так много общего можно было найти между мною и этим двадцатилетним программистом. Немного, но достаточно: любовь к фантастике, настолкам, кулинарии и спорам обо всем. Когда эти споры заканчивались страшной обидой, кто-то из нас приносил доску и открывал ее. За ней мы мирились. За ней встречали праздники, коротали рабочие перерывы, трапезничали.

— А ты что захватил? — спросил Галкин, растирая ладони. — Что там у тебя самое важное, а?

Одной рукой я расставлял белые, а второй дербанил вилкой цыпленка.

— Судок, — буркнул я смущенно.

Сейчас отпустит пару колкостей...

— Запах — класс! — внезапно похвалил он. — Мариновал в чем?

— В айране...

— А что за каша? Тыква?

— Батат.

— Да вы, сэр, гурман и кулинар!

А то! Эксперименты в физике я считал уделом скудных умов — оттого и выбрал квантовую механику, — но

вот дома с блюдами упражнялся неистово и страстно. Коллеги обычно обедали тем, что готовят жены, или довольствовались бизнес-ланчем в «Ульгима Туле». Я же пировал, как в столичных ресторанах. И совсем недорого.

Когда фигуры заняли свои места, я выставил вперед королевскую пешку. Демид ответил на с5, а я — на е3.

— Вариант Алапина! — воскликнул Жигулин. — Сицилианка!

Мы вздрогнули: он всегда будто вырастал из-под земли. В видавшем виды твидовом пиджаке, черной водолазке и зеленом берете, который никогда не покидал макушки, этот крохотный старик выглядел комично. Он снял роговые очки, прикусил дужку и, подслеповато щурясь, разглядывал доску.

— Здравствуйте, Михал Михалыч, — хором поприветствовали мы.

Сколько ему лет? Когда я учился в аспирантуре, он преподавал М-теорию. Уже тогда он был стар. Сейчас ему было девяносто плюс-минус. В НИИ он долгое время курировал все проекты, связанные с теоретической физикой, в том числе и моего «Ферзя». Но в прошлом году его должность сократили, а Михалыча, как талисман и ветерана, сделали завкафедрой бренд-менеджмента и нейминга.

Мы очень быстро разыграли основной вариант. У меня была изолированная пешка, компенсированная небольшим перевесом в развитии.

— Ты смотри, что творится! — проскрипел Жигулин.

К институту подъехал бронированный грузовик. Откинулся трап, и из кузова полезли роботы-саперы. Модель «Везунчик-31»: восемь конечностей, делающих бота похожим на паука, гусеничная платформа, инфракрасные сканеры, радиоволновые детекторы, ультразвуковые сенсоры, лазеры, нейросеть принятия решений и солнечная батарея во весь корпус. Я привстал со стула, чтобы лучше разглядеть это чудо: «везунчики» совсем недавно поступили в воинские части, и их техническая реализация была засекречена.

— Это же они взрываются, если усмотрят, что повреждение получили или какая неприятность приключилась? — осведомился Михалыч.

— Они, блин, — процедил Демид. — Одна такая штука весь квартал сровняет с землей, чтобы технология в чужие руки не попала.

— Самое забавное, — сказал я, — что у них модуль не отладили нормально и они очень пугливые вышли. Спасибо твоим коллегам, Демид.

— А что моим-то сразу?!

— Вероятность ложного срабатывания посчитана? — поинтересовался Михалыч.

— Один к шести.

— Как русская рулетка, блин, — сказал Галкин.

«Везунчиков» было четырнадцать. Они выстроились в ряд и затем, подтягивая себя щупальцами, начали подниматься по ступеням института. Я медленно приземлился на стул.

Жигулин грустно покачал головой.

— Вот же подонки эти «Термиты»! — От досады я стукнул ладонью по столу, и фигурки вздрогнули.

Демид внимательно посмотрел на меня. Его близко посаженные глаза с опущенными уголками всегда делали выражение лица немного грустным.

— Ну блин. Народ работу теряет, — сказал он. — На каждое действие есть противодействие. Вот и появляются ячейки против интеллектуальных технологий.

— Люди только и ждут повода поворчать, — проворчал Михалыч. — «Термиты» эти... А помните до них? Как их...

— «Новые луддиты», — подсказал Демид.

Этих, к счастью, ФСБ ликвидировала. Надо же им было собраться в количестве трех тысяч человек и пойти громить дата-центр под Мавзолеем! Пяти танков хватило...

— А сектанты. Помните сектантов?

— Церковь шифропанков выходного дня, — пробормотал Демид.

Я сам верующий, несмотря на научные степени. В церковь хожу, пост соблюдаю, молюсь в дедайкины. Но эти... семинаристы, пересидевшие на уроках информатики, разглядели в религиозных трактатах скрытый смысл, *преисполнились* и на основе своих инсайтов создали алгоритм шифрования. Сносный, надо сказать, алгоритм. Шифровали им все — сообщения, почту, статьи в даркнете. Криптовалюта своя была. Продержались ровно до момента, когда наша кафедра криптографии взломала их шифр. А после спецслужбы ловили фанатиков руками, как рыбу во время нереста. За пару дней управились.

— Терроризм нельзя оправдывать, братишка.

— Да не террористы они! Подумаешь, ложные звонки делают...

— Четвертый раз за месяц! — возмутился Михалыч.

— Зато Семен покушал.

«Термиты» были хитрее: действовали скрытно, соблюдали придуманные ими же протоколы. По оценке полиции, радикалов было не менее двадцати тысяч по всей России. За голову Шляпника, их лидера, государство давало награду в миллион рублекоинов.

Демид двинул слона на b4 — острое продолжение. Обычно тут играют слонем на e7 и идет медленная размеренная борьба. Но, видимо, холод и намечающийся спор подстегнули Демида действовать так борзо.

— Широко шагает — штаны порвет, — хмыкнул Жигулин.

Я толкнул пешку на a3, чтобы согнать черного слона.

— Роботы опасные работы на себя берут? — спросил я. — Берут. Работают лучше? Лучше. Прогресс двигают? — Мне захотелось подколоть Демида: — Ах да, извини, инженерам этого не понять.

— Да какой прогресс, ты о чем? — взвился Галкин. Коллеги, которыми было набито кафе, обратили на нас внимание. — Так и скажи, что корпорациям выгоднее нейросетки плодить, а на свои социальные обязатель-

ства они болт клали. Им — сверхприбыли. А людей — на мороз!

— Ну не на мороз. Не на мороз, — примирительно сказал я. — На досуг, так скажем. А со «сверхприбылей», между прочим, налоги повышенные в бюджет. С них — пособия и остальная социалка.

Коллеги начали оживленно что-то обсуждать. Некоторые показывали на нас пальцем.

— Идеальная экономическая модель, — подытожил я. — Чем люди недовольны? Вот чем? Просто это новое, не привыкли еще.

— Ага. Сам-то ты работаешь, а рассуждаешь...

— Квантовых физиков не скоро заменят.

Я сыграл слоном на g5 — подвязал коня, за которым был ферзь.

— Люди без работы навыки теряют и компетенции, — отрезал Демид.

— Так государство их переобучает.

— Робот никогда не напишет хорошую художественную книгу. Ни музыку, ни картину.

— А кто напишет-то? Читал я живых авторов: говно говном. А музыка? Критики не выдерживает. Зато нейросетки уже точные диагнозы ставят. А скоро придумают средство от рака или еще чего. У людей был шанс. Теперь надо подвинуться и уступить дорогу новому разуму, оставив из людей только сверхинтеллектуальную прослойку. Вроде нас с Михалычем. Принять уже новую экономическую модель, расслабиться и получать удовольствие.

— Ну, об экономической модели я бы не стал разглагольствовать, — произнес Жигулин. — В этом деле у нас разумения не водится. Но дефицит с инфляцией раздули до небес, это неоспоримый факт.

— Зато равенство, — парировал я. — Михалыч, ты ж коммунист! И родился в Союзе. Что, плохо было в нем разве? Плохо? А сейчас все при базовом доходе, пособиях много разных. Страховки от государства, талоны на лекарства, кредиты по низкой ставке. Путевки дают в санатории! Все сыты, обуты, одеты. Утопия!

Я увидел вилку на короля и слона с шахом. Но Демид тоже увидел ее. И пешку на d4 брать не стал.

— Блин, да показатель клинической депрессии и душевных заболеваний возрос на сорок процентов при этой утопии! — воскликнул он.

— Весьма справедливое замечание! — подхватил Михалыч, пропустив мимо ушей вопрос про Союз. — Мне на табло уж девяносто три. Семьдесят четыре года в науке. Я и забыл, как это: встал — и не идти никуда! Как спровадят меня на заслуженный отдых, так на следующий день я в могилу, уж будьте уверены.

Я продвинул вперед пешку: d5. Пожертвовал ее. Галкин взял ладьей, деваться было некуда.

Разменяли ладей и... b3!

— Депрессия ваша не существует! — не удержался я. — Это не от досуга, а от безделья и праздности! Раньше, когда работа была, модным было выгорать. Вот все и выгорали! Как на пожаре. Сейчас работы нет — вспомнили депрессию вашу! Можно же творчеством заниматься, например. Или спортом.

Михалыч укоризненно покачал головой.

Демид закатил глаза, закрыл лицо ладонью — и подвинул короля на h8. Отчаянная атака: подвести ладью и атаковать моего самодержца.

— Я, например, стендапом увлекся, — решил сгладить я. — Зацените шутку: почему Гейзенберг ненавидит водить машину?

— Потому что часто напивался? — едко ответил Галкин. — Вообще, с чего ты решил, что все будут понимать твои приколы про науку?

— В книге про стендап написано, что шутить надо на близкие темы.

— Но у тебя даже машины нет. Почему бы тебе не шутить про старперов, а? — злобно спросил Демид. — Не в обиду, Михал Михалыч, ты-то у нас вечно молодой. А вот Семен... Пошутить про редующую шевелюру, про животик рыхлый, про таблетки от импотенции. Сверстникам твоим зайдет.

Мои губы сжались: молодой опять проиграл спор и перешел на личности. Как более мудрый, я сдержался, и партию мы доигрывали молча. «Сверстникам зайдет...» Поди знай, что им зайдет: со сверстниками, друзьями семьи, последнее время общалась только Жанна. Мне с ними было неинтересно — разговоры только об ипотеках, детях, болячках да отдыхе.

— Мне тридцать восемь, — буркнул я. — Не все так плохо.

Демид забрал конем пешку совсем рядом с моим конем. Подвел ладью. Следующим ходом мне грозил мат.

Но я поставил шах конем. Он увел короля. Мой конь отскочил, открыв линию белой ладье — шах! Король Демид отскочил... Я взял пешку ладьей. Шах!

— Сдаюсь. — Демид протянул мне ладонь. Хоть я и висел на волоске, все же именно ему грозил форсированный мат в несколько ходов.

Я утер пот со лба и пожал руку.

Коллег в кафе становилось все больше. Их разговоры слились в громкое жужжание, будто осиное гнездо выкурили. Живот ныл от голода, моя пайка совсем не насытила.

— Так как твоя острота заканчивается, Семен Саныч? — спросил вдруг Жигулин. — Почему Вернер Августович не любил за баранкой сидеть?

— А потому что он забывал, куда едет, каждый раз, когда смотрел на спидометр!

Михалыч тихонько захихикал, сложился, прихрюкивая, пополам и опустился на свободный стул. Демид даже не улыбнулся — у него не было чувства юмора.

— Принцип неопределенности Гейзенберга гласит, что невозможно одновременно знать точное положение и точную скорость объекта, — попробовал объяснить шутку Михалыч, смахивая навернувшиеся слезы. Но тщетно — Галкин лишь пучил глаза и смотрел осуждающе.

Внезапно в кафе повисла тишина. Так резко, что, не урони кто-то из барменов столовый прибор на пол, не заметили бы. А звон услышала вся публика.

— Блин, Елдунов приперся, — прошептал Демид.

У входа братался со всеми и пожимал руки загорелый красивый шатен в дизайнерском бежевом пальто. Он что-то сказал, и толпа рассыпалась смехом.

Это был Леонид Борисович, заместитель директора по инновационной деятельности.

— У-у-у, Елдунов... — протянул я.

Я оттирал салфеткой от стола каплю масла уже пару минут — с того момента, как он вошел. Леонид скинул пальто на чьи-то заботливые руки и медленно, как ледокол, продвигался внутрь кафе, похлопывая каждое подвернувшееся плечо.

— Только не к нам, пожалуйста, — взмолился Демид.

— Скажите на милость, — Жигулин сдвинул берет на затылок, — сколько господ, однако, собралось! Заметили?

Обстоятельства и погода располагали к тому, что в «Ульгима Туле» набились все наши коллеги. Среди них я легко распознавал ученых и инженеров: они почему-то чурались устройств. Простая одежда, обычные механические часы — наручные или карманные на цепочке — и украшения из нержавеющей стали и серебра.

А вот руководители, те были увешаны всем, что выпускал наш НИИ. Безвкусные снобы, облаченные в черный теквир*. Издалека они напоминали похоронную процессию. Одежда из адаптивной ткани со встроенными нитями, заряжаемыми от солнца, хотя его в нашем городе закрывал смог заводов. Эта ткань умела самоочищаться, но шуршала и выглядела как мусорный мешок. Начальство обожало умные аксессуары — они были в ушах, громоздились кольцами на толстых пальцах, а особым шиком считались некрасивые металлические очки с дополненной реальностью.

* Теквир (*techwear*) — стиль повседневной одежды, отличающийся технологичностью и футуристичным дизайном. В романе теквиром чаще называют черную легкую ткань из синтетики. — *Здесь и далее примечания автора.*

Десятки устройств на теле — и в нем — знали о хозяине больше, чем он сам. Когда я оказывался рядом с группой управленцев, мой устаревший смартфон буквально сходил с ума, мгновенно определяя добрую сотню девайсов. Полоумные менеджеры будто разговаривали сами с собой, общаясь через гарнитуру с кем-то далеким, но не с тем, кто сидел с ними за столом.

А пузе электроники они любили цеплять на себя мерч родного НИИ. Шапки, шарфы, браслеты с гербом института. Особенно значки! Их нельзя было крепить к теквиру — проколы могли повредить ткань, — поэтому значки вешали на цепочку и носили на шее.

Эвакуировали нас регулярно. Сначала чертовы фанатики сообщали о заложенной бомбе, а через неделю руководство по этому поводу устраивало учения. Так мы всем НИИ и проводили время в «Ультима Туле» — то учебная эвакуация, то настоящая. И Михалыч верно подметил: ученых становилось меньше, а среди менеджеров появлялись новые лица.

— Вот кого турнуть бы в первую очередь... — Я уже тер стол голым пальцем.

— Блин, и чего твои электронные мозги их не заметят? — подколот Демид. — Раз такие полезные и умные?

— Для замены господ ИИ не нужен, — вздохнул Михалыч. — Господина заменит и ПАПИК*, если научится спрашивать: «Какой статус?» Но на то должна быть воля господина повыше. Но тогда все пойдет вверх по цепочке, потому что будет... этог...

— Прецедент, — подсказал Галкин.

— Собачка говорит: «Гав-гав», котик говорит: «Мяу-мяу», — процедил я, — Елдунов говорит: «Закинем встречу».

Мои товарищи заулыбались.

— Разберем кейс? — прописклявил Демид. — Я не могу, я на колле.

* ПАПИК (*вымысл.*) — переносной аппаратно-программный интерфейс когнитивности.

— Что сделали за сегодня, коллеги? — усмехнулся Михалыч и воздел палец: — А надо было вчера!

— Давайте голосом проговорим? — передразнил я.

— Ну, я подсветил, — крикнул Жигулин и откинулся на стуле.

— Вопрос на холде, — заключил Демид.

— Я услышал вас, коллеги, — сказал я. — Пингану по фидбеку.

К боковому входу института подъехала грузовая машина. Дверь НИИ открылась, и из недр его показались роботы-погрузчики. Во время эвакуации они не прекратили свою работу — еще одно преимущество машин. Эти роботы были похожи на «везунчиков», разве что обвес попроще, а гусеницы — помощнее. Шесть погрузчиков вывозили похожий на гроб ящик черного цвета.

— Эх, останки Сергея выносят, — грустно сказал Демид.

Сергеем инженеры называли вычислительный кластер, состоящий из двухсот таких «гробов» — серверных шкафов, набитых мощными компьютерами. На кластере крутилось программное обеспечение всех кафедр.

— Это что же, министерские и до нас добрались? — спросил Михалыч.

Галкин извлек из кармана балахона что-то похожее на зажигалку *Zippo* и швырнул на стол. Я взял предмет. Металлический квадратный корпус, полностью запаянный, гладкий и теплый. В руке ПАПИК лежал увесисто и приятно, едва заметно вибрируя.

— Вот диковинка, конечно, — протянул Жигулин. — Дай-ка посмотреть.

Гуманитарии из Института этики боялись создания искусственного суперинтеллекта до ночного недержания. Считали, что он быстро уничтожит все человечество. Едва ли не каждая работа аспирантов ИЭИИ*

* ИЭИИ (*вымысл.*) — Институт этики искусственного интеллекта.

была посвящена очередному сценарию апокалипсиса, который учинит особо умная машина. А так как куча народу оттуда после выпуска перебиралась работать в МинИИ — просто потому что идти им было особо некуда, — то вскоре истерия захлестнула и его кабинеты, выбравшись законом по замещению всех серверов с искусственным интеллектом в стране ПАПИКами.

— Ты смотри: ни одного отверстия! — воскликнул Михалыч, сняв очки и поднеся модуль когнитивности к носу.

— Да, полностью беспроводной интерфейс, — сказал Демид.

— А заряжаются от магнитной зарядки? — спросил я.

— От нее тоже. Но вообще они умеют пассивно восполнять заряд от магнитных полей, электрических полей. Вот где мобильник не ловит — там поле достаточной силы для зарядки.

— Мобильная связь нынче много где не ловит, — вздохнул Жигулин.

— А еще ПАПИКи умеют от нагрева заряжаться, — добавил Галкин, — и от прямого солнечного света. Блин, что они туда вообще понапихали?

Мне представилась крохотная обезьянка, бьющая в литавры. Железо в ПАПИКах было слабым, поэтому они были тупые: на тестах их прошивка выдавала всего тридцать баллов IQ — на уровне сельского дурачка. Все, что мог делать ПАПИК, — это собирать информацию из озер данных, одобренных МинИИ, сортировать ее и передавать другим ПАПИКам. Поэтому модуль и назывался интерфейсом когнитивности — полноценным интеллектом там и не пахло.

— И сколько таких надо, чтобы Сергея заменить? — спросил Жигулин. — Тысяч пять?

— Тридцать, — буркнул Галкин.

— Тридцать тысяч! — воскликнул Михалыч. И погрузился в раздумья: — Это ж сколько по объему получится?

— Не тысяч. Тридцать штук.

Железка выпала из рук Жигулина.

Разум улья, который формировали «зажигалки», был их фишкой. Соединяясь по особому протоколу, они настолько быстро обучали друг друга, что в этой сети рождался полноценный интеллект. Причем с каждым новым подключенным устройством он экспоненциально умнел. Некоторым количеством «зажигалок» можно было заменить любой по мощности сервер. Одна такая штука давала разум моему гомункулу-дворецкому, а тридцать — иди ты! — заменяли Сережу, третий по мощности кластер в мире.

Михалыч осторожно поднял ПАПИК и положил на стол.

— Яйцо, из которого вылупится наш будущий хозяин, — сказал Галкин. — Сколько их нужно для рождения суперинтеллекта? Сто? Тысяча?

— Я читал, что примерно три тысячи двести, — сказал я. — Но тема свежая еще, нехожена.

— Это получается, ваша группа теперь все переносить на них будет? — спросил Жигулин, не отрывая взгляда от поблескивающего в освещении кофейни модуля. — Ой, будете днeвать и ночевать тут. Жизнь инженерская, она такая, да.

— Нет, Михал Михалыч, — ответил Демид. — Особисты из ГосПАПИКоконтроля пришли сегодня утром, молча высыпали кучу ПАПИКов на стол и ушли. Модули пожужжали немного — сервисы наши легли. Я обрадовался, если честно: не нравятся мне эти интерфейсы когнитивности. Думал, все сломалось и вернут привычное железо. Но минут десять проходит — и один за другим сервисы и нейронки начинают оживать. Инфра поднялась. Тесты позеленели. Бенчмарки какую-то нереальную производительность по цифрам стали показывать — никогда такого не видел. Я пинганул пару нод, а они уже на ПАПИКах работают! Те подхватили все через шлюзы данных и сами на свой разум улья передеплоили весь наш стек!

Демид поежился и замолчал. Я ничего не понял: Галкин издевался над менеджерским суржиком Елду-